

М.К. Бисенкулов,

Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова,
Казахстан, г. Талдыкорган, e-mail: musakazim@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена истории переводов лиро-эпической поэмы «Козы-Корпеш – Баян-Сулу» на русский язык. Сведения о поэме, посвященной трагической любви молодого джигита и степной красавицы, впервые появились на русском языке в 1848 году. В первой части статьи рассмотрены варианты прозаических пересказов сюжета поэмы бароном У-р, Г.Н. Потаниным. Основное внимание уделено особенностям поэтического перевода казахской поэмы Г.В. Тверитиным, М. Тарловским и В. Потаповой на русский язык. Автор доказывает, что перевод Г. Тверитина, осуществленный в 20-ых годах XX века, представляет собой вольное переложение всей поэмы, написанное белым стихом. По его мнению, перевод М. Тарловского, использовавшего кара өлен (ааба), сохраняет не только содержание, но и художественное своеобразие казахского эпоса. В. Потапова, работавшая над переводом «Козы-Корпеш – Баян-Сулу» в 50-ые годы, смогла не только полностью воссоздать на русском языке сюжет поэмы, но и передать особенности ритмики оригинала, его строфики, системы рифм. Автор статьи отмечает не только достоинства, но и недостатки рассматриваемых переводов, доказывает, что перевод Тверитина есть довольно приблизительное переложение поэмы, Тарловский для передачи особенностей казахской поэтической речи использовал большое количество казахских слов, имеющих аналоги в русском языке, а В. Потапова отказалась от многих эпических формул, придающих повествованию образность.

Ключевые слова: поэтический перевод, адаптированный перевод, вольное переложение.

M.K. Bisenkulov,

I. Zhansugurov Zhetysu State University,
Kazakhstan, Taldykorgan, e-mail: musakazim@mail.ru

History of translations of the lyro-epic poem «Kozy-Korpesh – Bayan-Sulu» into Russian

The article is devoted to the history of translations of the lyro-epic poem «Kozy-Korpesh – Bayan-Sulu» into Russian. Information about the poem, which is dedicated to the tragic love of the young jigit and steppe beauty, first appeared in Russian in 1848. In the first part of the article are considered the versions of prosaic recounts of the story of the poem by Baron U-r, G.N. Potanin. The main attention is paid to the peculiarities of the poetry translation of the Kazakh poem by G.V. Tveritin, M. Tarlovsky and V. Potapova into Russian. The author proves that the translation of G. Tveritin, carried out in the 20th century, is a free translation of the whole poem, written in white verse. According to him, the translation of M. Tarlovsky, who uses kara olen (aaba), keeps not only contents, but also an art originality of the Kazakh epos. V. Potapova, who worked on the translation of «Kozy-Korpesh – Bayan-Sulu» in the fifties of the twentieth century, was able not only to completely recreate in Russian the plot of the poem, but also to convey the peculiarities of the rhythm of the original, its lines, the system of rhymes. The author of the article notes not only the merits, but also the shortcomings of translations. He proves that Tveritin's translation contains many distortions of the poem's plot, Tarlovsky used many Kazakh words with analogues in Russian to convey features of Kazakh poetry speech, and Potapova abandoned many epic formulas that give the narrative image.

Key words: poetry translation, adapted translation, free translation.

М.Қ. Бисенқұлов,

І. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті,
Қазақстан, Талдықорған қ., e-mail: musakazim@mail.ru

**«Қозы-Көрпеш – Баян Сұлу» лиро-эпикалық поэмасының
орыс тіліне аудару тарихы**

Мақала «Қозы-Көрпеш – Баян Сұлу» лиро-эпикалық поэмасының орыс тіліне аудару тарихына арналған. Жас жігіт пен дала сұлулығының қайғылы махаббатына арналған өлең туралы ақпарат алғаш рет 1848 жылы орыс тілінде шыққан. Мақаланың бірінші бөлімінде Барон У-р, Г.Н.Потаниннің поэма сюжетін проза түріндегі жазбаларының нұсқалары қарастырылған. Мақалада қазақ поэмасын орыс тіліне Г.В. Тверитин, Марк Тарловский және В. Потапованың поэтикалық аудармаларының ерекшеліктеріне басты назар аударылған. Автор ХХ ғасырдың 20-жылдары жасалған Г. Тверитиннің аудармасы еркін формада екенін дәлелдейді. Оның пікірінше, қара өлең (ааба) қолданған М. Тарловскийдің аудармасы қазақ эпосының мазмұнын ғана емес, көркемдік ерекшелігін сақтайды. 50-ші жылдары «Қозы-Көрпеш – Баян Сұлу» аудармасымен айналысқан В. Потапова поэманың сюжетін орыс тілінде толық жасап қана қоймай, түпнұсқа ырғағының ерекшеліктерін, оның құрылысы мен рифма жүйесін жеткізе білді. Мақала авторы тек маңыздылығын ғана емес, сонымен бірге қарастырылып отырған аудармалардың кемшіліктерін де атап отырып, Тверитиннің аудармасында поэманың сюжетін бұрмалаушылығы көп кездеседі, Тарловский қазақ поэтикалық сөйлеуінің сипаттамаларын жеткізу үшін орыс тілінде аналогы бар көптеген қазақ сөздерін пайдаланды деп дәлелдейді, ал В. Потапова өзінің аудармасында баяндау бейнесін белгілейтін көптеген эпикалық формулалардан бас тартты деп санайды.

Түйін сөздер: поэтикалық аударма, бейімделген аударма, еркін тәржіме.

Введение

Общеизвестно, что художественный перевод способствует расширению и укреплению взаимосвязей современных национальных литератур. Потому в Казахстане тщательно изучается практика перевода произведений казахской литературы на русский язык и русской литературы на казахский язык. Проблемы художественного перевода с казахского на русский язык освещены в работах С.К. Куспанова, З.У. Жантекеевой, Н.Ж. Сагындыковой, Х. Садыкова, Ф. Фаткуллина и др. В них анализируются русские переводы произведений Абая Кунанбаева, Султанмахмута Торайгырова, Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова, Абдильды Тажибаева и других художников слова. В последние годы появилось немало монографий, посвященных особенностям передачи содержания произведений казахских писателей и поэтов на русский язык (Moldagalieva J.T., 2001; Jekeeva K.O., 2003; Korbosynov M.A., 2009; Kuantaeva M.E., 2009; Kaparyanov K.N., 2010; Jaksylykov A.J., 2011). Однако не всегда практика художественного перевода подвергается должному теоретическому изучению, не все проблемы перевода становятся предметом специальных исследований. В частности, до сих пор не получил глубокого теоретического освещения опыт поэтического воссоздания казахского эпоса на русском языке.

Отдельные наблюдения над качеством русских переводов казахских эпических поэм содержатся в диссертации Н.Ж. Сагындыковой. Противоречивые оценки поэтического перевода Г.В. Тверитина «Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу» высказаны М. Сильченко, И. Дроздецкой, Ф. Дивинской. М. Каратаев в свое время отмечал отдельные неточности в переводе поэмы о Кобланды батыре, выполненном С.И. Липкиным.

В журнале «Отечественные записки» за 1848 год был помещен беллетризованный очерк Барона У-р «Четыре месяца в киргизской степи» (Baron U-r, 1848: 141-224). В изображении автора очерка степь предстает экзотической местностью, которую населяет полудикий народ с жестокими и своеобразными нравами и обычаями. В очерк включено прозаическое изложение эпического сюжета о трагической любви Козы-Корпеша и Баян-Слу. Барон У-р не ставил перед собой задачи тщательного воспроизведения казахской поэмы. Главным для него было представить в самых общих чертах казахскую поэзию российскому читателю. Такая установка определила характер повествования: стремясь передать своеобразное мирозерцание «киргизов» (казахов – М.Б.), автор очерка воспроизвел лишь ключевые моменты эпического сюжета. К ним относятся сюжетные коллизии, связанные с описанием взаимоотношений Сарыбая и Карабая, ознаменовавшихся обручением детей «при

самом их рождения», взаимной любви Козы-Корпеша и Баян-Слу (в написании Барона У-р «Козу-Курпеча» и «Баян-Сулу»), в которую вмешивается «злой гений наших любовников», по определению автора пересказа, Калмык Кодар, смерти Козу-Курпеча от руки Кодара, мести Баян-Сулу убийце, смерти героини и погребении влюбленных в одной могиле. Автор изложения сохранил оценку воскресения Козу-Курпеча на три дня, имеющуюся в некоторых казахских вариантах поэмы.

Барон У-р домысливает оригинал (в его истолковании Сарыбай отказывается выдать дочь за Козу-Курпеча, потому что тот «разорился вконец»), вводит в русский текст вымышленные сцены (Кодар «зарезал» Сарыбая и «похитил» Баян), использует элементы поэтики русской сказки (традиционный зачин «жили-были» и др.) и книжные выражения типа «Кодар остался, как истина, на дне колодца» и одновременно вводит просторечные обороты («тот, о дуру, ее послушал» – о Кодаре), комментирует излагаемые события.

К прозаическим адаптированным переводам казахского эпоса на русский язык относится краткий пересказ этой же поэмы Г.Н. Потанина (Potanin G.N., 1896: 60-88). Если Барон У-р назвал поэму «дикой», выразив тем самым неверие в способность народа создавать прекрасные поэтические произведения, то Г.Н.Потанин выделил в поэме ее сюжетное ядро – любовь и смерть Козы-Корпеша и Баян-Слу. Вкратце пересказав содержание оригинала, он воспроизвел символическую концовку, имеющуюся во многих казахских версиях поэмы: после смерти влюбленных на их могиле выросли два дерева (в иных версиях – два цветка), протягивающие друг другу ветви. Это – символ глубокой и сильной любви. Между ними вырос колючий куст, символизирующий злого разлучника.

Прозаические пересказы были первыми формами переводческого контакта двух разных по своим культурным традициям народов – русского и казахского. По мнению современных теоретиков перевода, подобные адаптации не только допустимы, но даже в какой-то мере необходимы при первом знакомстве одного народа с культурой другого. Главная задача таких адаптированных переводов – дать общее представление о национальной поэзии народа. Понятно, что о воссоздании художественных достоинств переводимых произведений в полной мере еще не могло быть речи.

Эксперимент

Первый опыт поэтического перевода поэмы на русский язык принадлежит поэту Г.В. Тверитину (1889-1922). Его поэтическая интерпретация под названием «Песнь о Козы Корпече и Баян-Слу», изданная в 1927 году в Кызыл-Орде, объединила факты, содержащиеся в разных вариантах казахской поэмы (Tveritin G.N., 1927). Из-за отсутствия конкретного подлинника перевод Г.В.Тверитина приобрел характер вольного переложения казахской эпической поэмы. Анализ свидетельствует, что поэт точен в передаче характеров персонажей и их взаимоотношений, в воспроизведении главных событий казахского эпоса. Однако переводчик нивелировал национально-поэтические особенности эпоса. Это последовательно прослеживается на всех уровнях: в лексике и строфике переложения, в его ритмике, образной системе и т.д. В творческом истолковании поэта эпически свободная форма повествования заменена жесткими рамками композиционного повествования: поэма разбита им на десять глав, каждая из которых имеет свое название и развивает соответствующую тему («Песнь о клятве», «Песнь о судьбе» и т.п.). Поэму предваряет «Вступление», представляющее собой лирическое обращение переводчика к читателю. Поэт придал казахской поэме строгую строфическую организацию: она написана правильными десятистишиями, не свойственными казахской эпической традиции.

Кроме того, сложный в рифменном отношении стих казахского эпоса заменен белым стихом:

Если ветер, о гор слетая,
Замутит в Балхаше воду,
Зашумит и забушует
В побережье Ала-Куля,
Ты прислушайся, прохожий.
Сказку он тебе расскажет
О прекрасной нежной травке,
О Баян-Слу, о несчастной,
Что была нежна, как голубь,
Что любить и мстить умела.

Переложение Г.Тверитина насыщено лирическими стихами о природе:

Как прекрасны вы, о степи,
С бесконечно-синим небом,
С островерхими горами,

Где озера ясной стали.
 Где ковыль – трава седая.
 То раздолье, то пустыня,
 То пески, то гладь, то травы,
 Без конца простор, без грани,
 Как прекрасны вы, о степи,
 Дар земли ордам казахским.

Стихи, в которых пейзаж выступал бы в качестве самостоятельного объекта изображения, по свидетельству исследователей, не были свойственны казахской народной поэзии. Поэт часто использует литературные штампы при описании природы и при выражении героями своих чувств, такие, как «На цветах, на травах *слезы Серебром росы блеснули*», «По утрам *фатой туманной, Как невеста, убиралась*» (речь идет о степи) и др. Он допускает постоянное смешение специфических русских слов и выражений с казахскими словами, в результате чего смысл текста часто затемняется: «Он клышем и найзой острой, Как игрушками, владеет, где «клыш» – сабля, «найза» – копьё (правильнее будет написание «кылыш»). Наблюдения убеждают, что не все казахские олова, введенные Г.В. Тверитиным, являются реалиями: многие из них легко переводимы. Переводчик сокращает отдельные эпизоды для достижения логической стройности изложения и одновременно вводит в русский текст фрагменты, отсутствующие в казахских версиях поэмы, с целью создания национального колорита. Как правило, вымышленные переводчиком отрывки текста представляют собой описания этнографически подробностей кочевого быта: одежды, национальных игр, напитков и т.п.

Результаты и обсуждение

На основе казахского эпического сюжета Г. Тверитин создал самостоятельное поэтическое произведение, при этом он не смог донести до читателя национальное своеобразие этого памятника духовной культуры казахского народа. Метод перевода Г. Тверитина заключается в приближении казахской поэмы к русскому читателю, в стремлении сделать ее понятной и доступной.

Поэтическая интерпретация Г. Тверитина получила в критике немногочисленные отзывы в противоречивые оценки. Одни называют ее образцом подлинно творческого перевода фольклорного произведения, другие считают ее переводом в современном понимании слова. Ближе

к истине И. Джансугуров и М. Сильченко, отмечавшие слишком вольный характер перевода Г.В. Тверитина. Его интерпретация является вольным поэтическим переложением казахского эпоса. Оно отвечало духу в требованиям того времени. Культурно-историческое значение тверитинского переложения заключается в том, что оно было первым шагом на пути поэтического освоения казахского эпоса русской литературой.

После Первого съезда советских писателей (1934) по инициативе Союза писателей Казахстана в Москве вышла из печати антология казахской литературы «Песни степей». В нее вошли переводы отдельных фрагментов казахского эпоса, сделанные группой советских поэтов – М. Тарловским, П. Шубиным, Г. Владимирским и другими. Многие переводы вначале публиковались на страницах союзной и республиканской печати.

Переводчик М. Тарловский воссоздал первую часть поэмы о Козы-Корпеше и Баян-Слу – от начала (зачина) до эпизода состязаний Козы-Корпеша и Кодара (Kozy-Korpesh i Bayan-Slu, 1940). В отличие от перевода Г. Тверитина М. Тарловский передает не только основное содержание поэмы, но и некоторые художественные особенности казахского эпоса. Удачей переводчика является воссоздание рифмовки кара өлең (ааба), воспроизведение присущего оригиналу богатства рифм: во многих случаях он сохраняет начальные, внутренние и концевые созвучия, воссоздает реди́ф, иногда правильно передает тираду. Например:

Оригинал

Қылышпенен өлтірсем,
 Қикаладың дерсің сен.
 Найзаменен өлтірсем,
 Микаладың дерсің сен.
 Садақпенен өлтірсем,
 Қапыл қалдым дерсің сен.
 Мылтықпенен өлтірсем,
 Жазым қалдым дерсің сен.

Подстрочный перевод

Убить бы саблей тебя.
 Закричишь: «Искромсал ты меня!»
 Убить бы тебя копьем,
 Закричишь, что помял я тебя.
 Убить бы из лука тебя,
 Скажешь- был застигнут врасплох.
 Убить бы тебя из ружья,
 Да скажешь, ненароком убил.

Перевод М. Тарловского:

Если будешь мечом клеймен ты,
«Я разрублен», простонешь ты;
Если будешь копьем сражен ты,
«Я проколот», простонешь ты;
Если будешь стрелой пронзен гы,
«Я пронизан», простонешь ты;
Если будешь свинцом сметен ты,
«Я прострелен», простонешь ты!

И в оригинале, и в переводе строки объединены по принципу синтаксического параллелизма, с помощью анафоры «если» – в нечетных и «я» – в четных строках переводчик воссоздает богатство звучания подлинника. В инструментовке стиха перевода активно участвует редиф «ты». Эпической тираде найден достойный адекват.

Однако поэтические переводы М. Тарловского не лишены недостатков. К ним относится неоправданное насыщение русского текста казахскими словами, многие из которых не входят в состав безэквивалентной лексики казахского языка и только засоряют текст перевода. Наблюдения убеждают, что казахские слова вводятся М. Тарловским, во-первых, для создания национального колорита, во-вторых, для создания рифмы, когда казахское слово рифмуется с русским, например: «Подымал батыр найзу. Помирал Чигир внизу», где «найза» означает «копье», или «И пока ты к родному юю Не привяжешь сбрую», где слово «юю» непонятно даже читателю, владеющему казахским языком.

Выявляются три способа введения казахских слов в перевода М. Тарловского: 1) простое включение казахского слова без всяких попыток раскрыть его значение: «Помыкают кяфиры мной, В ключья рван мой теплый кийим», где «кяфиры» означает «неверные, люди иной веры», «кийим» – «одежда»; 2) введение казахского слова о его русским эквивалентом, создающее ненужную тавтологию: «Я прошу тебя, бог-кудай, Если умер он – смерть мне дай»; 3) придание казахским словам обличие русских слов: «На аллашью волю благую Я тебя, мой брат, предаю» – от слова «аллах» – «бог»; или «Покажи же мне прыть тулпарью, Благородной рожденный тварью», где от казахского слова тулпар – сказочный крылатый конь – образовано прилагательное «тулпарья». Снижают качество переводов М. Тарловского такие приемы, как компановка фразеологизмов из русских и казахских слов («шайтан меня дер!»), модернизация

текста за счет введения понятий, не свойственных художественной действительности казахского эпоса. Переводчик вводит русский текст целые отрывки, отсутствующие в оригинале, обнаруживает невнимание к речевой характеристике, в результате чего искажается психологический облик героев, упрощенно воссоздает портретные описания, произвольно сокращает оригинал. По признанию М. Тарловского, ему приходилось работать по подстрочникам, которые иногда оказывались вдвое короче оригинала.

В отличие от своих предшественников Г. Тверитина и М. Тарковского, В. Потапова, работавшая над переводом поэмы в 50-ые годы, внимательно апри передаче национально-художественных особенностей оригинала (Козу-Корпеш і Баян-Сулу, 1958). Анализ убеждает, что ей удалось донести до читателя своеобразный характер поэтического мировосприятия казахского народа, воспроизвести многие особенности ритмики оригинала, его строфики, системы рифм. В отличие от М. Тарловского она удачно воссоздала многие поэтические особенности казахского эпоса, в том числе такой сложный элемент его, как тирадное объединение стихов (М. Тардовскому это удавалось крайне редко):

Оригинал:

Мұндайлыққа салды ием
Кен сықылды жалғызды,
Бір қыз үшін дертті боп,
Иттің де қойын жайғызды.

Мен елімде көруші ем
Не сықылды эр қызды,
Бәрінен де көңілімді
Жалғыз Баян қалғызды..

Подстрочный перевод:

Всевышний вверг меня в печаль.
Одинокого сироту,
Заставил полюбить девушку
И пас овец злого человека

Я видел на родине
Всяких девушек,
Но больше всех заставила
Меня страдать одна Баян...

Перевод В.Потаповой:

Понять не в силах я,-за что
Мне участь горькая дана?

Во имя суженой пасу
Отару старого лгуна.

Хотя девичьей красотой
Богата Еалталы-страна,
Козы-Корпеш безумцем стал
Из-за Баян – ее вина!

В переводе верно переданы смысл и интонация тирады, сохранена такая конструктивная особенность ее, как сквозная рифма, которая и в оригинале, и в переводе объединяет четные строки.

Заключение

Сопоставительный анализ показывает, что перевод В. Потаповой отличается глубиной проникновения в оригинал, верное воссоздание многих художественных особенностей казах-

ского эпоса. Однако при внимательном рассмотрении можно найти отклонения от оригинала. Так, В. Потапова иногда сокращает эпизоды, в том числе эпические клише – «общие места» эпоса (например, отъезд героя за нареченной невестой), в которых содержится сумма приемов народной поэзии. Не всегда внимательна В. Потапова при передаче специфических образных выражений оригинала. Например, часто используемое при портретном описании красавицы выражение «бұралған тал шыбықтай сұлу Баян», что в подстрочном переводе означает «гибкая, как ветка тальника, прекрасная Баян», В. Потапова постоянно переводит как «гибкий стан». В этом случае образность заменена описательностью. Имеющиеся в русских переводах недостатки не дают ощущения полноты воссоздания идейно-художественного своеобразия лиро-эпической поэмы о любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу.

Литература

- Молдагалиева Ж.Т. Проблемы поэтики перевода (на материале переводов поэм М.Ю. Лермонтова на казахский язык). – Алматы, 2001. – 140 с.
- Жекеева К.О. Национальный колорит и художественно-творческие искания в литературном переводе (на материале переводов произведений А.С. Пушкина). – Алматы, 2003. – 124 с.
- Копбосынов М.А. История перевода басен И.А. Крылова в казахской литературе. – Алматы, 2009. – 131 с.
- Куантаева М.Е. Художественные аспекты перевода исторических реалий в казахской художественной прозе. – Алматы, 2009. – 130 с.
- Канапьянов К.Н. Отражение своеобразия лирики М.Ж. Копеева в русских переводах. – Алматы, 2010. – 131 с.
- Жаксылыков А.Ж. Актуальные проблемы художественного перевода и развитие казахской литературы. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 150 с.
- Барон У-р. Четыре месяца в киргизской степи. – СПб., 1848. – С.141-224. (Отдельный оттиск из «Отечественных записок»).
- Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича. (Из поездки в Кокчетавский уезд) / Г.Н. Потанин // Русское богатство. – СПб. – 1896. – № 8. – С.60-88.
- Тверитин Г.В. Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу. – Кызыл-Орда, 1927. – 174 с.
- Козы-Корпеш и Баян-Слу // Песни степей. Антология казахской литературы. Под ред. Л. Соболева. – М.: Художественная литература, 1940. – С. 22-29.
- Козы-Корпеш и Баян-Слу. Перевела Вера Потапова // Казахский эпос. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. – С. 441-458.

References

- Baron U-r. (1848). Chetyre mesyaza v kirgizskoy stepi [Four months in the Kyrgyz steppe] SPb. P. 141-224. (in Russian)
- Jaksylykov A.J. (2011). Aktualnye problemy hudojestvennogo perevoda i razvitie kazahskoy literatury [Opical problems of artistic translation and development of Kazakh literature]. Almaty: Kazhak university, 150 p. (in Russian)
- Jekeeva K.O. (2003). Nazionalny kolorit i hudojestvennye iskaniya v literaturnom perevode (na materiale proizvedeniy A.S. Pushkina) [National colour and artistic and creative searches in literary translation (on the material of translations of works of A.S. Pushkin)]. Almaty: 124 p. (in Russian)
- Kanapyanov K.N. (2010). Otrajenie svoeobraziya liriki M.J. Kopeeva v pusskih perevodah [Reflection of the identity of M.J. Kopeev's lyrics in Russian translations]. Almaty: 131 p. (in Russian)
- Kozy-Korpesh i Bayan-Slu (1940) [Kozy-Korpesh and Bayan-Slu] Pesni stepey. Antologiya kazahskoy literatury. M. P. 22-29. (in Russian)

Kozy-Korpesh i Bayan-Slu (1958) [Kozy-Korpesh and Bayan-Slu. Vera Potapova translated] Kazahskiy epos. Almaty: P. 441-458. (in Russian)

Kopbosynov M.A. (2009). Istoriya perevoda basen I.A. Krylova v kazahskoy literature [History of translation of I.A. Krylov's basens in Kazakh literature]. Almaty: 131 p.(in Russian)

Kuantaeva M.E. (2009) Hudojestvennye aspekty perevoda istoricheskikh realiy v v kazahskoy literature [Artistic aspects of translation of historical realities in Kazakh art prose]. Almaty: 130 p. (in Russian)

Moldagalieva J.T. (2001). Problemy poetiki perevoda (na materiale perevodov poem M.Yu. Lermontova na kazahskiy yazyk) [Problems of poetry translation (on the material of translations of M.Yu. Lermontov's poems into Kazakh)] Almaty: 140 p.(in Russian)

Potanin G.N. (1896). V yurte poslednego kirgizskogo zarevicha (Iz poezdki v Kokchetavskiy uezd) [In the yurt of the last Kyrgyz tsarevich. (From a trip to Kokchetava County)] Russkoe bogatstvo. SPb. №8. P. 60-88. (in Russian)

Tveritin G.V. (1927). Pesn o Kozy-Korpeche i Bayan-Slu [Song about Kozy-Korpech and Bayan-Slu.]. Kzyl-Orda: 174 p. (in Russian)